

Даже сейчас Се Бэй всё ещё не был до конца уверен в своих чувствах. Он понимал, что излишне осторожничает, но иначе нельзя — это не пустяк. Даже если отбросить вопрос ориентации, влюбиться в кого-то никогда не бывает просто. На кону — искренние чувства, ответственность перед другим человеком, а в его случае — ещё большее бремя. Будущее карьеры, команда за спиной, менеджер... Да и Сюй Чжичжэнь задумывался о своём будущем ничуть не меньше.

Их главное сходство, пожалуй, заключалось в преданности делу.

Они не относились к этому как к игре, где всегда есть путь к отступлению, не думали: «Если сейчас не получится — будет ещё попытка, впереди ведь годы». Они видели в этом пути единственную дорогу на десятилетия вперёд и каждый шаг делали с мыслью, что второго шанса может не быть.

Возможно, именно это и привлекло его.

Се Бэй повернул голову к Сюй Чжичжэню. Тот был закутан в огромный шарф, в красной вязаной шапке, из-под которой виднелись только глаза. Среди толпы нарядных парней и девушек в Саньлитуне, с закрытым лицом, он и вправду мог бы затеряться. Но всё же кое-кто его узнавал. Се Бэй уловил сдавленные восторженные возгласы девушек по сторонам, но, в отличие от прошлых раз, они не бросались вперёд, сбивая с ног. Он предположил, что, наверное, студия или фан-клуб выпустили просьбу не беспокоить его в нерабочее время.

Они толкались в толпе, прижимаясь друг к другу в мороз, смотрели на уличных музыкантов и покачивались в такт. Говорили, это довольно известная андеграундная группа — и правда, играли здорово. Сюй Чжичжэнь слушал, забыв про шапку и шарф, и, обнявшись с Сюй Хайшунем и Чжэн Чэном, подпевал.

Се Бэй сжал губы, но ничего не сказал. Не торопился.

Эта неспешность длилась почти до самого возвращения, и задуманное на день так и не осуществилось. Се Бэй надеялся в романтический рождественский вечер немного сблизиться с Сюй Чжичжэнем, понаблюдать за его реакцией — не выдаст ли тот хоть намёк на взаимность.

Но потерпел полное фиаско. Романтика рождественской ночи принадлежала влюблённым парочкам, а они, компания идиотов, просто бегали по самым людным местам. Трое впереди обнимались крепче родных братьев, а Се Бэй, замерзая на почти нулевой температуре, плелся сзади, как заботливый отец, с руками в карманах, и ничего не мог поделать.

Но было весело.

Мирской гомон, сладкий молочный чай и хрустящая кисло-сладкая пастила на палочке, горький чёрный кофе и насыщенный латте, горячая картошка с сыром и шашлык, щедро посыпанный зирой и перцем, шёпот влюблённых и звонкий детский смех. Се Бэй вдруг почувствовал лёгкое головокружение — словно наступил Новый год.

Зима — действительно особое время года. Наводит на мысли о многом: о семье, о друзьях, об одиночестве.

Сюй Чжичжэнь, оглядываясь, наконец заметил знакомую красную шапку. Глаза Се Бэя, обычно холодные, сейчас казались невинными и жалкими. Он моргал, озирался по сторонам, и во взгляде читалась какая-то потерянность и обида.

Сюй Чжичжэню стало смешно от собственных мыслей, но он понял, что Се Бэй и правда их не нашёл. Вырвавшись из объятий Чжэн Чэна, он показал назад, мол, пойду за Се Бэем, и зашагал сквозь толпу. Попытался протиснуться между парой влюблённых — не вышло, пришлось обойти и искать другой проход.

Остановившись перед Се Бэем, он улыбнулся. Глаза его сияли, как звёзды на рождественской ёлке.

— Привет, — помахал он рукой.

Голос был негромким, но Се Бэй услышал. Не наклоняясь, он увидел улыбающегося Сюй Чжичжэня и сам улыбнулся в ответ.

— Привет.

Улыбка пробивалась сквозь толстый шерстяной шарф, превращаясь в тихий смешок. А его глаза, единственная видимая часть лица, обычно холодные, как айсберг, теперь казались тёплыми и мягкими, словно растаявшие звёзды.

Сюй Чжичжэнь пытался напомнить себе, что это из-за неоновых огней за спиной...

Но избежать ожидаемого волнения не смог, хоть это были лишь глаза, хоть это длилось мгновение. Он представлял, какое красивое и нежное лицо скрывалось за ними.

Он потёр лицо и заговорил первым:

— Они впереди. Я увидел, что ты нас не нашёл, вот и пришёл. Пошли.

Се Бэй кивнул и послушно пошёл за ним, как ласковый пёс — милый и покладистый.

Чтобы снова не потеряться, Се Бэй протянул руку и ухватился за его рукав.

Не сильно, но достаточно ощутимо. Сюй Чжичжэнь боковым зрением заметил два длинных тонких пальца, державших его рукав, затем оглянулся на Се Бэя. Тот в своей яркой красной шапке, встретив его взгляд, нарочно улыбнулся. Глаза превратились в полумесяцы, стали мягкими — словно в него вселился другой человек. Сюй Чжичжэнь чуть не взлетел на воздух.

Чёрт возьми, кто это! Кто! Тянет меня за рукав!

А! Это! Се Бэй! Се Бэй! Се Бэй! Это Се Бэй!

В толпе Саньлитуня никто не видел этого скрытого жеста, никто не заметил, как краска залила его уши, никто не разглядел настоящей улыбки под шарфом.

Рождественская ночь определённо была чудесным временем.

На обратном пути пошёл снег.

Первым это заметил Сюй Хайшунь. Он пил молочный чай, спокойно глядя в окно такси, и вдруг закричал:

— Идёт снег!

— Ах, идёт снег!

Все опустили стёкла, высунули головы, протянули руки ловить снежинки.

Водитель, словно бывалый, посмеялся над их юношеским восторгом:

— Из-за такого снега так радуетесь?

Сюй Хайшунь засмеялся:

— Конечно, нужно всегда сохранять детскую радость.

Они вышли у входа в Центральную академию драмы и пошли пешком к общежитию.

В это время в академии всё ещё было много людей — видимо, все возвращались с прогулок. Они шли группами, принося в тихий кампус шум и веселье. Снежинки игриво падали, увлажняя волосы.

Сюй Чжичжэнь ловил снежинки, прикидывая: если снег пойдёт всю ночь, к утру ляжет толстый слой.

Не мог сдержать улыбку. Как здорово, что в рождественскую ночь идёт снег, какая атмосфера!

По обеим сторонам дорожки тусклые фонари освещали путь. Чжэн Чэн и Сюй Хайшунь шли впереди, обнявшись, громко пели «Merry Christmas» — один высоким голосом, другой низким, и их голоса удивительно гармонировали. Сюй Чжичжэнь улыбался, слушая их, и уже хотел обернуться, чтобы позвать Се Бэя, как вдруг кто-то сзади накинул на него шарф, мягко обернув. Слова, которые он собирался произнести, застряли в горле. Его шарф пропитался чужим запахом — довольно вызывающим ароматом, лёгким. Раньше Сюй Чжичжэнь никогда не замечал его на Се Бэе — может, тот нанёс совсем немного.

Он открыл рот, ошеломлённый, и тупо посмотрел на Се Бэя.

Длинный серый шерстяной шарф всё ещё был на шее Се Бэя. Тот снял маску, держа её в одной руке, открывая лицо, которое можно было назвать шедевром резьбы по дереву. Фонарь рядом словно специально подсвечивал его: одна половина лица тонула в темноте, другая казалась мягкой, будто обработанной в фотошопе. Тёплый оранжевый свет скользил по щеке, по густым ресницам; глаза слегка приподнялись, демонстрируя всю прелесть своих миндалевидных очертаний — нежные, с лёгким кокетством. Во взгляде таилась мягкая улыбка, от которой Сюй Чжичжэнь не мог оторваться.

Он замер, на мгновение потеряв дар речи.

Чёрт, что этот парень делает?

Чёрт возьми, хотя он и правда красивый, но что он творит, спасите! Се Бэй ведь гетеросексуал, верно? Почему мне кажется, что что-то не так?

В голове промелькнули тысячи мыслей, но в итоге Сюй Чжичжэнь только запинаясь спросил:

— Ч-что ты делаешь?

Се Бэй улыбнулся.

— Вижу, что тебе холодно, поэтому укрыл.

Сказав это, он спокойно пошёл дальше, словно ничего не произошло. Сюй Чжичжэнь чуть не упал, споткнувшись о шарф, но Се Бэй не остановился, не обернулся, только слегка замедлил шаг. Сюй Чжичжэнь, спотыкаясь, пошёл за ним.

Незаметно песня «Merry Christmas» стала тише, люди на дороге исчезли, остались только тусклые фонари. Двое, связанные одним шарфом, медленно шли сквозь снег.

<http://bllate.org/book/16272/1464596>